

А под своим фото Высоцкий написал: «Ваня, давай подольше не пойдём к Йорику...»

Договорились встретиться возле метро. И вот он стоит среди торгующих сигаретами, котятками и проездными. Неприемный. Игра желваков на гладко выбритом лице, тоненькие, не по погоде, «корочки», начищенные до блеска...

Актёр Иван Бортник. Жалкий до пронзительности Вовчик из «Родни», пакостный Промокашка из «Место встречи изменить нельзя»... Потом он ходил по скромной своей квартире, постукивая каблуками по деревянному полу, а отовсюду за ним следил его друг Высоцкий, о котором Бортник не написал ни строки воспоминаний. Многие остальные, далеко не друзья, вышли в тираж, а он - отмолчался.

Фото Владимира ПОПКОВА.

ВСТРЕЧА ДЛЯ ВАС

разве что вспомнят Промокашку. Театралам знакомы его Павел Власов, Лаэрт, Моцарт, Коробочка. Зато артистический мир говорит о нем со скупым придыханием: «Ну это от Бога!» Такой разрыв - разве не обидно?

- Я абсолютно не тщеславный. Об этом и Анатолий Васильевич не раз говорил, когда он меня уговаривал на роли в каких-то бредовых спектаклях. После «Дна» я отказался от трех главных ролей. Они с Наташей Крымовой вызывали меня домой, убеждали, я соглашался, приходил на репетиции, произносил пять-десять фраз - мне просто физически плохо становилось. «Нет, я не могу это произносить». С ним была истерика, и вот тогда он: «Ты - не тщеславный?»

И все-таки ничего случайно-

ключил Федора Абрамова, Бориса Можая, Людмилу Васильевну Целиковскую. Она смеялась мифистофельским смехом: «Ах-ха-ха!». Юра! Он не хочет играть Гамлета! Боже мой! Да ты же с ума сошел...». Это было бы предательством Володьки, и я отказался. Юрий Петрович пафосно восклицал: «Он нас предал! Хочет - уезжает, хочет - приезжает! Ему наплевать на театр, на меня... Он наших друзей предал!» - имея в виду диссидентов.

Юрий Петрович, человек мудрый и театралный, конечно, прекрасно знал, что никого Высоцкий не предал, просто так он подъезжал ко мне. Он считал, что у нас качество темперамента одинаковое, и ему не нужно будет менять рисунок спектакля.

О любви и нелюбви

- Вообще он меня любил, Юрий Петрович. А он мало кого любил... Володьку, Зинку Славину... Но она ж потом, как перестала слушать шефа, стала совсем неуправляемой. Например, в «Деревянных конях», прекрасный был спектакль по Абрамову, Славина была моей партнершей... Там у нас превосходно играла комедийную роль Таня Жукова - Машу маленькую. Она вызвала бурную реакцию зала - зрители хохотали, аплодировали, а Зинке - это просто нож в сердце. А ведь она играла Пелагею, может, один из самых трагических образов в русской литературе. Ей все хотелось, чтоб над ней смеялись, - что она вытворяла!

А я лежал там на броне и медленно умираю весь спектакль... Мне хотелось вот так взять и врезать ей по спине... Человек какие-то идиотские краски придумывал, какие-то слова, которых у Абрамова нет... Мало того, что это был стыд, но я физически плохо себя почувствовал, просто заболел.

Я не мог с ней разговаривать, а потом сделал замену и вообще перестал играть.

О планах

В кино я хотел бы поработать с теми же режиссерами - Михалковым, Хотиненко, Полокой. С Полокой мы сделали недавно «Возвращение броненосца», фильм уже поехал по фестивалям. Там у меня большая хорошая роль, но озвучил меня другой. Я попросил за озвучивание смешотворные деньги, которых студенты, наверно, и то не просят, но при условии, чтоб меня возили. И директор картины, теща Полоки, решила, что это для них накладно. Ну дураки...

О деньгах

- Деньги меня никогда не волновали. У меня никогда их не было и не будет. Я за свою дурацкую жизнь накопил четыре тысячи долларов - гонорары за Японию, Испанию, Париж. А поехал на съемки «Мусульманина» - меня обокрали, остался нищим. А я копил, чтобы дедовскому развалюху, где я папаном после войны жил, починить. В нее входили звезды видать, крышито нет.

О жизни и смерти

- С Аллой (Демидовой) у нас всегда были хорошие отношения. Не обошлось, конечно, и без трений - она дама неожиданная. «Вторая реальность»... Нашла вот собаку - живет с собачками, кошечками, своим Валуцким. Женщина, по-моему, достойная и очень одаренная. Она пытается пробиться через какую-то новую реальность - четвертую, пятую... У нее много реальностей - сама их себе нафантазировала. Опасная штука. Реальность-то одна, в которой мы живем.

На одной фотографии Высоцкий выдал ему сногшибательные комплименты, а внизу приписал: «Ваня, давай подольше не пойдём к Йорику». Гузель АГИШЕВА.

О Вовчике

- Павленок, зам. Ермаша, когда посмотрел «Родно», велел немедленно все убрать. Там очень много вырезали - в частности, мой сон. Работа была интересной, и я ее считаю хорошей.

Михалков утвердил меня на роль 25 июля 1980 года, в день Володиной смерти. Я был в чудовищном состоянии. Группа уже выехала сниматься в Днепрпетровск, я оставался в Москве. Запил. Написал Никите письмо, что, мол, прости, скверно себя чувствую, сниматься не смогу. Но не отправил. Потом кое-как стал выкарабкиваться, но процесс был чрезвычайно мучительный. Пьяного надо играть только трезвым, даже 30 граммов для куражу видны на экране - это уже проверено. Никите нравились, как мы с Нонной репетировали, а мне - категорически нет.

Мне в свое время покойный Павел Петрович Калочников сказал: «Ну, Ваня, я прожил долгую жизнь... Видел я самоседов, но такого вижу впервые». Я отнесся к этой картине серьезно. Ночью вставал - писал. Весь текст написал, там же от Мережки слова не осталось. А утром как-то пошел под душ и вспомнил - все это время подсознательно какая-то хреновина крутилась, - вспомнил одного сильно пьющего человека, у которого рыбки в аквариуме... И он выпьет - смотрит на них и плачет: «Варь, Варь... Рыбок кормила, Варь?» - и я оттолкнулся от этого образа. Вышел после этого душа - а это день съемок - другим. Понял, что могу импровизировать. Какую бы фразу ни сказала Нонна, я отвечу на нее от имени Вовчика. Потом, когда я показал это Никите, он: «Ну вот оно, вот! Ай, ты подумай! Ну молодец!». Он ведь очень нежный, сразу чмок-чмок.

О детстве

Мама - доктор наук, сотрудник Института мировой литературы, папа - зам. главного редактора Гослитиздата. Но жили в суровом московском дворе, у трех вокзалов. Народ уходил, отсиживал десять-пятнадцать лет и возвращался. Дядя Вася-ассенизатор, Козел, Фиксатый... - наблюдательный подросток жизнь учил не по учебникам.

О гениальности

Золотухин как-то рассказал с экрана о Бортнике. Мол, когда Эфрос после отъезда Любимова был назначен на Таганку, ему позвонил Смоктуновский: «Учтите, Анатолий Васильевич, там работает один гениальный актер. - И кто же? - Иван Бортник.

Вспомнив эту, конечно же, известную самому Бортнику историю, наблюдаю за реакцией гения. Но он тут же смазывает картинку: «...когда Анатолий Васильевич это рассказал, Наташа Крымова, его жена, добавила: «Мы полночи смеялись...»

О тщеславии

Широкий зритель, можно сказать, не знает Бортника,

*Ах, милый Ваня, я гуляю по Парижу,
И то, что слышу, и то, что вижу,
Пишу в блокнотик, впечатления
вдогонку,
Когда состарюсь - издам книжонку,
Про то, что Ваня, мы с тобой
Нужны, как в бане пассатижи.
В Париже
Владимир Высоцкий.
«Письмо Ване Бортнику из Парижа». 1976 г.*

то не бывает: слава Богу, откажешься от пяти драмней, вдруг возникнет нечто приличное. А так... Я ж не Джигарханян, чтобы играть все подряд. Ему кажется, он сам может сделать все - в самом плохом сценарии, у самого плохого режиссера.

Вдруг позвонил Володька Хотиненко и предложил «Зеркало для героя». Я знал его как Никитиново ассистента на «Родне», относился к нему осторожно, потому что человек он довольно жесткий. Но тем не менее картина-то получилась, и я счастлив. Когда мне плохо, я ее смотрю... В ней есть что-то божеское, в этой картинке.

О предательстве

Напомнила Ивану Сергеевичу о напумевшей публикации в «Совершенно секретно» - про последние дни Высоцкого. И о высказывании Оксаны (подружки поэта) по поводу Бортника: когда, мол, они вдвоём, Высоцкий неуправляем.

- Перевозчиков, так, кажется, зовут автора? Человек, который набил руку на Высоцком и уже зарабатывает деньги... такой негодяйчик... И Оксана эта... Потом она вышла замуж за Ярмольника, а это говорит о многом. Ничего ж случайного не бывает. Хотя нужна ему была эта Оксана?!

Он же влюблялся так!.. Звонит ночью: «Ванька! Все! Это невероятно...». В следующий раз: «Иван-ан! Ну такого...». Я знал о нем все, как и он - обо мне, это было неременным условием дружбы. В какой-то анкете он пишет: «Друг - это тот, кому я могу сказать все самое отвратительное, гнусное и гадкое о себе». Но за многие годы мы не накопили ни гнусного, ни гадкого.

Когда Володька внезапно исчез, как он говорил, в Парижске, Любимов уговаривал меня играть Гамлета. Он под-